

ШКОЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

УДК 372.82:371.321
ББК 4426.83-058.0

ГРНТИ 17.01.45

Код ВАК 13.00.02

Барковская Нина Владимировна,

доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры литературы и методики ее преподавания, Институт филологии, культурологии и межкультурной коммуникации, Уральский государственный педагогический университет; 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26; e-mail: n_barkovskaya@list.ru

ЧЕМУ УЧАТ РОЖДЕСТВЕНСКИЕ ИСТОРИИ: ЖАК ПРЕВЕР В ПЕРЕВОДЕ МИХАИЛА ЯСНОВА (МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ УРОКА ВНЕКЛАССНОГО ЧТЕНИЯ)

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: рождественские рассказы; вертеп; культурный перевод; внеклассное чтение; уроки внеклассного чтения; методика литературы в школе; зарубежная литература; семиклассники; Рождество; рождественские истории.

АННОТАЦИЯ. Статья содержит методические рекомендации для организации внеклассной работы в 7 классе по произведениям, созданным в жанре рождественской истории. В центре внимания два произведения: «Рождественское чудо мистера Туми» С. Войцеховски (в оригинале: S. Wojciechowski. "The Christmas Miracle of Jonathan Toomey") и пьеса Ж. Превера «Мсье и Некто» (в оригинале J. Prévert. "Guignol" (Гиньоль – «перчаточная» кукла традиционного французского кукольного театра, жанр пьесы для него и название маленького театра кукол)) в переводе М. Яснова. Выбор произведений обусловлен тем, что в них представлены две противоположные тенденции в развитии жанра рождественского рассказа: «высокая», серьезная и комическая, балаганная. Экскурс в историю жанра рождественской истории позволяет отметить, что в рождественском вертепе как особого рода представлении существовала, помимо сакральной (небесной) сферы, сфера профанная (земная), предусматривался и нижний мир — ад. В дальнейшем бытовании эти пространственные и аксиологические сферы могли обособляться, порождая разновидности рождественской истории. В книге Войцеховски мальчик возрождает душу взрослого, утратившего интерес к жизни после смерти жены и маленького ребенка. Сближение мистера Туми и мальчика произошло во время изготовления деревянных фигурок к Рождеству. В кукольном представлении Превера-Яснова царят абсурд и гротеск, нравственного возрождения героев не происходит, но это произведение «остраивает» привычные этические стереотипы. Представленный материал позволит расширить культурный кругозор учащихся, показать важность работы переводчика и иллюстратора.

Barkovskaya Nina Vladimirovna,

Doctor of Philology, Professor, Department of Literature and Methodology of its Teaching, Institute of Philology, Cultural Studies and Intercultural Communication, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.

WHAT CHRISTMAS STORIES TEACH: JACQUES PRÉVERT TRANSLATED BY MIKHAIL YASNOV (MATERIALS FOR EXTRACURRICULAR READING LESSON)

KEYWORDS: Christmas story; nativity scene; cultural translation; extracurricular reading; extracurricular reading lessons; methods of teaching literature at school; foreign literature; 7 grade students; Christmas; Christmas tales.

ABSTRACT. The article contains methodological recommendations for the organization of extracurricular activities in the 7th grade on works written in the genre of Christmas story. In the center of attention are two works: "The Christmas Miracle of Jonathan Toomey" by S. Wojciechowski and the piece by J. Prévert "Guignol" translated by M. Yasnov. The choice of works is determined by two opposing trends in the development of the genre of Christmas story: "elevated", serious and comic, and farcical. An excursion into the history of the genre of Christmas story makes it possible to note that in the Christmas crèche as a special kind of presentation, in addition to the sacral (celestial) sphere there is also the profane (earthly) sphere that depicts the lower world — hell. These spatial and axiological areas could be isolated, giving rise to varieties of Christmas story. In the book of Wojciechowski, the boy revives the soul of an adult who has lost interest in life after the death of his wife and a little child. Close relations between Mr. Toomey and the boy occurred when they were making wooden figures for Christmas. In the puppet interpretation of Prévert by Yasnov, absurdity and grotesque reign, there is no moral revival of the heroes, but this work "eliminates" the usual ethical stereotypes. The presented material will expand the students' cultural horizons; it will also show the importance of the works of both translator and illustrator.

Цель данной статьи — дать рекомендации для организации работы над жанром рождественского рассказа в 7 классе. Как правило, для подобной работы привлекаются произведения

русских классических и современных авторов. Нам хотелось бы привлечь внимание к зарубежным писателям, работавшим в этом жанре, чтобы подчеркнуть общечеловеческое значение нравствен-

ных ценностей, присущих рождественским историям.

Необычный вариант рождественской истории предлагает пьеса французского поэта-сюрреалиста Жака Превра «Мсье и Некто». Произведению — в переводе Михаила Яснова — можно посвятить урок внеклассного чтения или провести внеклассное мероприятие в 7 классе, наиболее эффективно — в конце второй четверти, ввиду близящегося праздника Рождества. Пьеса дает возможность обсудить с учащимися комплекс нравственных вопросов, столь парадоксально заявленных в непривычной для рождественской истории форме кукольного представления. Обращение к пьесе Превра в 7 классе мотивировано подростковым возрастом учащихся, когда, по выражению Превра (в переводе Яснова), «не хочется думать в ногу», когда уже не интересны готовые ответы и однозначные решения.

Напомним, что в 5 классе ребята обращались к стихотворению Превра «Как нарисовать птицу» (перевод М. Кудинова).

*Сперва нарисуйте клетку
с настезь открытою дверцей,
затем нарисуйте что-нибудь
красивое и простое,
что-нибудь очень приятное
и нужное очень
для птицы;
затем
в саду или в роще
к дереву полотно прислоните,
за деревом спрячьтесь,
не двигайтесь
и молчите.
Иногда она прилетает быстро
и на жердочку в клетке садится,
иногда же проходят годы —
и нет
птицы.
Не падайте духом,
ждите,
ждите, если надо, годы,
потому что срок ожидания,
короткий он или длинный,
не имеет никакого значения
для успеха вашей картины.
Когда же прилетит к вам птица
(если только она прилетит),
храните молчание,
ждите,
чтобы птица в клетку влетела,
и, когда она в клетку влетит,
тихо кистью дверцу закройте
и, не коснувшись ни перышка,
осторожно клетку сотрите.
Затем нарисуйте дерево,
выбрав лучшую ветку для птицы,
нарисуйте листву зеленую,
свежесть ветра и ласку солнца,
нарисуйте звон кошачьи,
что в горячих лучах резвится,
и ждите,
ждите затем,*

*чтобы запела птица.
Если она не поет —
это плохая примета,
это значит, что ваша картина
совсем никуда не годится;
но если птица поет —
это хороший признак,
признак, что вашей картиной
можете вы гордиться
и можете вашу подпись
поставить в углу картины,
вырвав для этой цели
перо у поющей птицы.*

Е. Н. Тимофеева в методических рекомендациях для 5 класса под ред. В. Г. Маранцмана пишет: «Тайна этого стихотворения в его удивительной простоте, но чтобы разгадать ее, нужно не столько “идти вслед за автором”, сколько дышать вместе с ним, проживая один за другим созданные им поэтические образы. Читатель попадает в мир чуда, но только это и есть тот мир, в котором мы живем. Он существует вокруг и внутри нас самих, мир, который человек — художник способен сделать еще прекраснее, быть причастным к созданию картины. Образ птицы многозначен, он не может быть сведен только к символу красоты или искусства. Птица собирает в себе все самое прекрасное и самое ценное, что может быть: она — жизнь, любовь, мечта, творчество, красота, вдохновение, искусство...» [11]. Впрочем, автор методических рекомендаций советует работать с оригиналом стихотворения, и тогда, через сравнение подстрочника с переводом М. Кудинова, обозначатся смысловые сдвиги, эмоциональные потери или искажения стихотворения Превра, вероятно, неизбежные при переводе.

Урок, посвященный стихотворению «Как нарисовать птицу», не только заостряет перед юными читателями проблему перевода, этой очень сложной, искусной творческой деятельности, но и ставит в положение «переводчиков» самих детей: им предлагается перевести вербальный текст в визуальный, то есть самим попробовать нарисовать то, о чем пишет Превр. Нам кажется вполне удачной разработкой, предложенной Г. П. Зубковой для открытого урока на тему «Поиск духовных ценностей в стихотворении Жака Превра “Как нарисовать птицу”» [6]. Г. П. Зубкова считает нужным пойти от личности поэта: «Жак Превр был романтик, бесшабашный бродяга без своего угла, мечтатель и большой трудяга. Политикой он не занимался. Но в нем самом, в его творчестве, в поведении — во всем проявлялось цельное, бескомпромиссное отношение к окружающей жизни». Чтобы создать эмоциональный настрой для анализа поэтических средств выразительности, методист предлагает прослушать на уроке

песни на стихотворение Превера об осенних листьях в исполнении Эдит Пиаф и/или Ива Монтана; добавим от себя, что есть песня А. Дольского на стихотворение «Как нарисовать птицу». Кроме того, в Сети выложены довольно удачные анимации, иллюстрирующие текст Превера, одна из них имитирует детский рисунок и аппликацию (<https://www.youtube.com/watch?v=CVBfA5LBKrY>), вторая выполнена в технике песочной анимации (<https://www.youtube.com/watch?v=tgRjT54RR1E>). Полезно подготовить презентацию к уроку, среди слайдов которой была бы и иллюстрация художника С. Бархина — яркая, праздничная (<https://sergeevna-1405.livejournal.com/17207.html>).

Пьеса «Мсье и Некто», впервые переведенная на русский язык Михаилом Яновым, должна рассматриваться в контексте «рождественских историй» и требует экскурса в эту литературную традицию — настолько она необычна. Нужно напомнить учащимся уже знакомые им произведения, а если таковых не окажется — посмотреть мультфильм по сказке Г.-Х. Андерсена «Девочка со спичками». В детском чтении присутствуют и «Ночь перед Рождеством» Голя, и «Чудесный доктор» Куприна, знакомы ребятам и некоторые сюжеты из произведений Ч. Диккенса.

Характеризуя жанровую модель рождественского рассказа, следует обратить внимание учащихся, что действие обязательно разворачивается накануне Рождества Спасителя, в самое темное и холодное время года, герой, как правило, ребенок-сирота или обездоленный взрослый, на помощь которому приходит Иисус Христос, или ангел, или добрый человек, движимый заповедями любви и сострадания. Цель рождественской истории — проповедь добра, это рассказы об исправлении социальной несправедливости или человеческой природы. В России к концу XIX в. этот жанр был очень популярным, газеты и журналы в декабрьских номерах обязательно печатали такие произведения, написанные лучшими беллетристами, а сборник баронессы Ю. фон Икскуль «Елка на праздник Рождества Христова: Рассказы, посвященные благонравным детям» выдержал три издания. М. М. Меретукова пишет: «Общими признаками, позволяющими говорить о типологической принадлежности русских текстов к рождественской прозе, являются вечные темы милосердия, любви, сострадания, доброты, надежды, которые являются смысловым и идейным ядром классического рождественского текста» [12, с. 3]. Впрочем, как показывает исследовательница, исторические корни рождественского рассказа глубже, а хрестоматийные образцы

Christmas tales создал Ч. Диккенс, опиравшийся на английский фольклор.

Елка, введенная в России указом Петра I в 1699 г., была запрещена — как и праздник Рождества — в 1929 г. по решению 16-й партийной конференции. Вновь новогодняя красавица (без религиозного контекста) вернулась к детям в 1935 г. [5]. В постсоветское время жанр рождественского рассказа снова вошел в круг чтения детей и взрослых (например, специальный выпуск журнала «Сноб», посвященный «игре в Диккенса», декабрь 2012 г.), причем, не только републикуются классические образцы, но предлагаются своего рода ремейки рождественских рассказов, нередко — с злободневным социальным или даже политическим содержанием.

Приведем некоторые примеры. В рассказе Игоря Иртеньева «Девочка с чупа-чупсом» отражены реалии 1990-х: показаны продавец-гастарбайтер, «новый русский», есть элемент криминала. Однако эта история заканчивается хеппи-эндом: белокурая дочка напоминает нуворишу-отцу, что на Рождество нужно быть добрым, что все люди братья, и продавец-гастарбайтер был помилован и даже награжден [7, с. 186-189]. В 2000-х гг. Александр Кабаков в рассказе «Перекресток» тоже прибегает к сюжету рождественского чуда, но тут показано, что очищается душа героя, не вполне еще погрязшего в коммерции и прочих делах; очищается и его речь: автор пишет, что больше молодой человек никогда не произносил слово «блин» [8].

Очень часто в новых рождественских рассказах не взрослый помогает ребенку, а напротив, ребенок спасет взрослого. Так происходит в рассказе Дм. Быкова «Девочка со спичками предлагает прикурить» [10].

Нам важно подчеркнуть два момента: во-первых, рождественский рассказ — феномен мировой литературы, выражает общечеловеческие ценности добра и милосердия, во-вторых, рождественский рассказ, в отличие от святочной истории, может обходиться без явного вмешательства чудесных сил, разворачиваться в плоскости земного мира и даже выполнять функции сатиры или политического фельетона (как, например, у В. Пелевина в рассказе «Рождественский киберпанк, или Рождественская ночь-117.DIR»).

Такая амбивалентность содержания и прагматики была заложена уже в трехчастной модели пространства в средневековых миражах и моралите: рай — земля — ад. Позднее данная модель хронотопа соблюдалась и в маленьких кукольных представлениях — вертепах. В ад провалились грешники и дьявольские силы, в раю пребывали

ангелы, в верхнем плане изображались звезда и Вифлеемская пещера, а вот на земле разыгрывались смешные сценки, посямлявшие жадных, злых, врунов и прочих недостойных людей или представителей богатства и власти. Вот этот-то срединный (земной) план мог со временем приобретать самостоятельное значение в народном уличном театре.

Вот что пишет Алла Митрофанова: «Расцвет вертепов пришелся на XIX век, когда они стали популярны не только в центральной России, но и в Сибири. Вплоть до конца столетия вертеп странствовал по городам и селам, вместе с тем переживая “обмирщение” и превращаясь из кукольной драмы с библейским сюжетом в светское народное представление. Вертеп стал состоять из двух частей: рождественской мистерии и веселой музыкальной комедии с местным колоритом. Но уже к концу века балаганские сценки, игравшиеся в нижнем этаже, оказались более значимы, чем события “горнего яруса”. <...> В верхнем ярусе разыгрывались сцены, связанные со Святым Семейством, а нижний изображал дворец царя Ирода. В этой же части в более поздние времена показывались сатирические сценки и комедии. Однако вертеп — это не просто волшебный ящик, это маленькая модель мироздания: мир горний (верхний этаж), дольний (нижний этаж), и ад — дырка, куда проваливается Ирод» [13].

Интересно, что в русском языке слово «вертеп» (в церковно-славянском: пещера) имеет два противоположных значения, закрепленных в словарях С. И. Ожегова и Д. Н. Ушакова: 1). Притон, место разврата и преступлений (книжн.); 2). Ящик с марионетками для представления драмы на евангельский сюжет о рождении Христа (этногр., театр.); вертепом называлось и самое это представление [14, с. 70].

Целесообразно знакомить учащихся не только с русскими образцами рождественских историй, но привлекать и произведения зарубежных писателей. Такая установка соответствует особенностям времени, требующего межкультурного контакта, отвечает задаче воспитания толерантности и уважительного отношения к культуре других народов. Немецкая исследовательница Дорис Бахманн-Медик полагает, что исследование перевода, понимаемого шире, чем лингвистический перевод — перевода культур и между культурами, становится с конца XX в. ведущей перспективой в культурологических исследованиях [1, с. 284].

Учитель волен выбрать тексты по своему желанию и возможностям. Здесь бы хотелось остановиться на двух противополож-

ных примерах развития жанрового потенциала рождественского рассказа.

Первый пример — изданная в серии «Шедевры книжной иллюстрации» книга американской писательницы Сьюзан Войцеховски «Рождественское чудо мистера Туми» [4]. Книга, изданная в 1995 г., полюбилась читателям: в США было продано более миллиона экземпляров книги, в Британии был снят фильм по ее сюжету. Это серьезный, возвышенный и трогательный вариант рождественской истории. Сюжет возвращается в прошлое (автор приносит благодарность музею Шелбурна, штат Вермонт), и временная дистанция также способствует созданию атмосферы авторитетного слова предания или легенды. Впрочем, сама история вполне житейски конкретна. Одинокого резчика по дереву мистера Туми все деревенские ребята звали «мистер Угрюми» — настолько неприветлив и ворчлив был этот человек. У него умерли от страшной болезни горячо любимая жена и маленький сын, вот он и отправился в место, где его никто не знал, где он мог хранить свою горе в одиночестве. В местечко приезжает вдова с сыном, они просят мистера Туми вырезать им к Рождеству деревянные фигурки ангелов, святого семейства, волхвов, овец, вола. За те дни, пока длилась работа, мистер Туми сумел привязаться к мальчику, любознательному, открытому, готовому учиться мастерству, а заодно подружился и с его матерью. И Рождество эти трое людей встречали вместе, в их жизнь вернулись великая надежда, любовь и радость.

Текст книги очень небольшой. Сама писательница признается, что работа над книгой стала для нее «восхитительным и таинственным путешествием»: «Я искренне верю в ту великую, высшую силу вне меня, которая помимо моей воли вела моей рукой» [4, с. 39]. Большую часть книжных разворотов занимают иллюстрации, выполненные художником П. Дж. Линчем. Сьюзан Войцеховски считала настоящим чудом, что иллюстрировал ее книгу именно этот художник: «Мощь и красота увиденных впервые рисунков настолько поразили меня, что буквально исторгли из глаз слезы восторга» [там же]. Работа художника получила высокие оценки профессионалов. Сам Линч рассказывает, что долго изучал в музее обстановку XIX в.: вид домов и экипажей, домашнюю утварь, характерную для того времени одежду. Джулия Эккшлер пишет: «PJ used to make up more than he does now, but he found that for real accuracy and authenticity he needed to photograph and work from the clear image that they give. From the photographs he starts the line drawing onto paper and then stretches it ‘so that you can’t leave

anything out» [18]. Художник говорил: «По-жалуй, так долго и тщательно я не работал ни над одной книгой» [4, с. 40], поразило его и «магическое, ниспосланное свыше вдохновение», сопровождавшее работу над книгой. Иллюстрации получились очень реалистичными, достоверными, с тщательно прописанными деталями (верстак, стружки, нож, стул, камин, кувшин...), монументальными, но одновременно очень психологически живые: мимика, выражение глаз, жесты героев ярко выражают их эмоции. Книга большого формата, требует особого места на книжной полке, идеально подходит для семейного чтения вслух в рождественский вечер.

Если история, рассказанная Сюзан Войцеховски и художником П. Дж. Линчем, подтверждает неизбежность нравственных ценностей (чудо добра и милосердия победит зло и возродит души), то история, придуманная Жаком Превером и переведенная на русский язык Михаилом Ясновым, написана как кукольное представление-гиньоль и заставляет задуматься над тем, всегда ли так однозначно разведены добро и зло, милосердие и равнодушие. Это второй пример, который хотелось бы привести в данной статье.

Пояснения к художественной специфике маленькой пьесы «Мсье и Некто» дает в «Послесловии для взрослых и любопытных детей» сам Михаил Яснов, рисуя емкий портрет и сюрреалиста Превера, и молодой художницы Эльзы Энрикес, иллюстрировавшей книгу [15]. Используя слова, которыми Превер откликнулся на картины Эльзы Энрикес, — «невозмутимое легкомыслие детства», Михаил Яснов определяет основную тональность пьесы: она «строится на соединении несоединимого, трагедии и легкомысленности, простодушия и насилия, на том равновесии трагического и комического, что так свойственно сюрреалистической драматургии и театру абсурда» [там же, с. 33].

Начинается история вполне по канону. Рождественский вечер, крупными хлопьями падает снег. На маленькой площади появляется Мсье, нагруженный елкой и пакетами, он пытается подзвать такси. Некто подходит, начинает разговор, поначалу — о погоде. Потом он говорит, что в такой холод не у всех есть теплый дом, кому-то приходится ютиться на папертях, под мостами, у входов в метро. Мсье (благополучный буржуа) отвечает рассеянно, что есть Армия спасения, да и Бог не оставит своих [там же, с. 6-7]. Далее события разворачиваются так, что в такси Некто садится вместе с Мсье, потом Некто нахально вваливается в дом буржуа, а потом туда приезжает (за счет Мсье!) и все семейство Некто: жена, сын, собака, кот, у которого клетка с мышкой,

есть еще клетка с птичкой. Они хозяйничают в чужом доме, выводя Мсье из себя, а заканчивается все тем, что они заставляют почти потерявшего разум Мсье принять таблетки, от которых он заснет на неделю — а они сумеют провести праздник в тепле и за столом с богатым угощением.

Таким образом, традиционная ситуация выворачивается наизнанку: обездоленный не вызывает сострадания, но отталкивает наглым, беззащитным поведением, готовностью присвоить чужое. Впрочем, и буржуа не вызывает особой жалости: он замкнут в своем эгоистическом мирке благополучия, у него даже нет семьи или прислуги, ему никто не нужен, он твердо убежден в священном праве частной собственности. Его кредо: «...я не богат, как Крез... но, впрочем, и не беден, как Иов. Золотая середина, да-да! В золоте не купаюсь... но ни в чем не нуждаюсь. Кстати, вот непреложность факта: никогда ни в чем не нуждаться, довольствоваться тем, что есть, — так-то!» [там же, с. 10]. Вот эту «непреложность факта» и опровергает автор. Взрослому читателю очевиден и политический подтекст. Так, на вопрос Некто, есть ли у Мсье к рождественскому ужину фаршированная индейка, звучит ответ:

Мсье. Поверьте мне на слово, я и ее припас... Кстати, у меня достаточно и живых индюшек... да еще каштанов навалом. Я позаботился... Если вдруг война... кто знает!

Некто. У вас большие запасы?

Мсье. Большие — это громко сказано. Нет. Но впрочем... современные войны длятся всего пару лет!

Некто. Ей-ей... Наверное, во время Столетней войны было куда сложней.

Мсье. Да хранит нас Господь от такого несчастья! [15, с. 9].

Если учесть, что Превер и Энрикес познакомились в 1943 году, а произведения для детей и юношества были написаны Превером, как сообщает М. Яснов, между 1947 и 1953 годами, то нельзя не увидеть в этом диалоге иронии в адрес буржуа, надеявшихся спокойно пережить страшную войну, названную Второй мировой.

Но и однозначной замены плюса на минус, простой смены ролей обездоленного и преуспевающего не происходит. Авторские ремарки подчеркивают «очень нежный голос», «прелестный нежный голос», которым говорят вторгшиеся в дом непрошенные гости. Даже собака произносит реплики «очень спокойно», «с изысканной вежливостью», тогда как мсье «вопит все громче и громче», «презрительно и раздражительно», «снова вне себя». Вместе с тем, в Мсье просыпается что-то жалкое, он трогателен в своих воспоминаниях о дет-

стве, в своем пассаизме: «Каждый год я вешаю на елку игрушки моего детства. Я был идеальным ребенком, я никогда не ломал игрушек... Они еще и сегодня как новые...» [там же, с. 9]. Можно согласиться с мнением Михаила Яснова, полагающего, что музыкальная шкатулка в пьесе становится своего рода метафорой образа жизни. Мсье никогда не заводит ее: «Но если ее слишком часто заводить и не следить за ней как полагают, то в один прекрасный день пружина сломается» — «А если не заводить вообще?» — «Тогда мелодия сохранится надолго, на целые месяцы, годы, века! Для потомков» [там же, с. 16]. И вот эту шкатулку бесцеремонно заводит Некто. Потом шкатулку сменяет реклама по радио, навязчиво пропагандирующая чудодейственные таблетки (которые и выпьет потом Мсье, с подачи Некто, чтоб уснуть на неделю). И рекламный ролик приходится по вкусу Мсье: «Как красиво... <...> Какой миленький простенький мотивчик... так свежо... просто-душно... изящно... воздушно» [15, с. 26]. Когда Мсье уже спровадили спать в комнатку с разбитыми стеклами, а Мсье с семейством остались праздновать Рождество, шкатулка «играет какую-то прелестную веселенькую музыку. Некто и жена танцуют, нежно обнявшись» [там же, с. 32]. Эта сцена заставляет задуматься, что лучше: безоглядно тратить средства и жизнь, или экономить, беречь? так ли уж далеки друг от друга рекламный ролик, религиозная музыка, звучащая по радио, музыкальная шкатулка?

Михаил Яснов в послесловии говорит, что французскому поэтическому сознанию 1940-1950-х гг. было свойственно улавливать взаимообратимость эстетических полюсов: «шутовство трагедии или трагедия шутовства», «все комическое трагично, все трагическое смехотворно» [там же, с. 34]. В этом ключе написано и кукольное представление Превера. Иллюстрации Эльзы Энрикес имитируют детскость (неправильные пропорции фигур, использование только локальных цветов, яркость, плакатность фигур) мировидения или же — традиции «наивного искусства», «art brut», что соответствует стилистике уличной культуры, кукольному театру в жанре гиньоль (аналог русскому площадному театру Петрушки).

Такое устройство рождественской истории, придуманной Превеком, опирается на традиции вертепа, но на срединное его пространство, соответствующее «земле». Впрочем, на иллюстрациях в книге можно угледеть не только сцену, ограниченную занавесом или ширмами, но и верхнее пространство, правда, тоже представленное гротескно: так, на втором этаже, в каморке для прислуги, спит Мсье, в то время как на пер-

вом этаже веселятся его «гости». Наверное, если продолжить театральные ассоциации, это верхнее пространство можно назвать не раем, а райком — галеркой, на которой в театре сидела бедная публика. Кстати, один из самых известных фильмов по сценарию Жака Превера как раз и называется «Дети райка» (режиссер Марсель Карне, 1944 г.).

Проходимец Некто добивается своего, искусно играя словами: он, казалось бы, подхватывает реплики Мсье, но подтасовывает их в свою пользу. Так, он пытается пройти в дом вместе с Мсье, тот «вопит»: «Но позвольте, мой друг, мой бедный друг, я вас не приглашал!», на что Некто отвечает: «Обычная забывчивость. Разве такой друг, как я, может на это рассердиться?». Мсье кричит, что он вовсе не друг, но Некто возражает: «...вы сами это только что сказали... мой друг, мой бедный друг!». Мсье: «Но я сказал это в шутку, это оборот речи!». Некто отвечает в рифму: «Не могу не пойти вам навстречу».

Вся гротескная ситуация разыгрывается именно в речи персонажей. И тут следует отметить мастерство переводчика: Михаил Яснов сумел донести до русского читателя виртуозное жонглирование репликами, словесные пикировки персонажей. Яснов не использует для перевода пьесы классическую стиховую форму, реплики персонажей оформлены, на первый взгляд, прозой. Но при внимательном чтении заметна рифма, часто каламбурная. И тут, очевидно, Яснов ориентировался на народный балаганный стих, так называемый раешник. В «Поэтическом словаре» А. Квятковского дается следующее определение: «РАЕШНЫЙ СТИХ, РАЕК — древнейшая форма русского народного дисметрического стиха (*верлибр*) со смежными рифмами, определяемого интонационно-фразовым и паузным членением. Короче говоря, это рифмованный *фразовик*. Тематика и жанры Р.с. самые разнообразные: от злободневной сатиры до веселого балагурства. Большинство народных театральных пьес и тексты представлений для народного кукольного театра (вертеп, петрушка, балаган) составлялись в форме райка...» [9, с. 235].

Действительно, бросается в глаза обилие пауз в тексте Превера-Яснова, обозначенных многоточиями, зарифмованность концов предложений или синтагм. Таким образом, даже организация речевого уровня указывает на традиции вертепа, райка, балагана. Такой вариант рождественской истории-перевертыша, какой представлен в «Мсье и Некто», позволит хотя бы кратко объяснить учащимся феномен «народной смеховой культуры», исследованный М. Бахтиным на материале творчества Франсуа Рабле. Карнавал и есть, по Бахтину,

мир, вывернутый наизнанку («инверсия двоичных противопоставлений»), временная отмена строгих норм и рамок, осмеяние, снижение, пародирование безусловно высокого, временная территория свободы [2; 16, с. 331].

Михаил Яснов рекомендует пьесу «Мсье и Некто» для чтения и взрослым, и детям: «Кукольный театр Превера, на мой взгляд, хорош тем, что он одновременно обращен к любому возрасту: ребенок, возможно, увидит в нем рождественскую сказку, подросток — забавную комедию положений, взрослый читатель легко сопоставит эти сценки с теми жизненными ситуациями, в которых ему не раз приходилось оказываться. Как писал известный исследователь народной культуры М. Бахтин: “Двери смеха открыты для всех и каждому”» [15, с. 35].

Мы полагаем, что вполне возможно обратиться к этому произведению именно в 7 классе, поскольку подросток находится на границе между детством и взрослой жизнью (сам Михаил Яснов и русский детский поэт, и переводчик французских модернистов, и автор «взрослых» стихов — амбидекстр, по его собственному определению). Приведем стихотворение Жака Превера в переводе Михаила Яснова.

*Голос детства
из дальней дали до отрочества долетает
подросток его презирает и слышать
не хочет
нет нет он бормочет*

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахманн-Медик Д. Культурные повороты. Новые повороты в науках о культуре / пер. с нем. С. Ташкенова. — М. : Новое литературное обозрение, 2017. — 504 с.
2. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. — М. : Художественная литература, 1990. — 543 с.
3. Быков Д. Девочка со спичками дает прикурить [Электронный ресурс] // Огонек. — 2006. — № 52. — С. 13. — Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/2298197> (дата обращения: 14.11.2018).
4. Войцеховски С. Рождественское чудо мистера Туми / пер. с англ. Л. Л. Яхнина. — М. : РИПОЛ классик, 2011. — 40 с.
5. Душечкина Е. Русская елка. История, мифология, литература. — 3-е изд. — СПб, 2012. — 376 с.
6. Зубкова Г. П. Поиск духовных ценностей в стихотворении Жака Превера «Как нарисовать птицу» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://открытыйурок.рф/%D1%81%D1%82%Do%Bo%D1%82%D1%8C%Do%B8/602798/> (дата обращения: 10.11.2018).
7. Иртенев И. Народ. Выход-вход. — М. : ЭКСМО, 2003. — 336 с.
8. Кабаков А. Перекресток [Электронный ресурс] // Огонек. — 2006. — № 2. — Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/2296386> (дата обращения: 14.11.2018).
9. Квятковский А. Поэтический словарь. — М. : Сов. энциклопедия, 1966. — 376 с.
10. Коптяева Т. Е. Жанр «рождественского рассказа» и его особенности в современной литературе: обсуждение рассказа Дмитрия Быкова «Девочка со спичками дает прикурить» // Движение времени и законы жанра : XVIII Всероссийская научно-практическая конференция словесников «Лейдермановские чтения» (4 апреля 2014 г., Екатеринбург) / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2014. — С. 133-139.
11. Маранцман В. Г. Литература 5 класс [Электронный ресурс] : метод. рекомендации. — Режим доступа: https://www.sinykova.ru/biblioteka/marancman_literatura_5kl_metod/2.html#L (дата обращения: 12.11.2018).
12. Меретукова М. М. Жанровые инварианты и поэтика «рождественской прозы» (на материале английской и русской литературы) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Краснодар, 2017.
13. Митрофанова А. Традиции и история рождественского вертепа [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://foma.ru/tradiczii-i-istoriya-rozhdestvenskogo-vertapa.html> (дата обращения: 13.11.2018).
14. Ожегов С. И. Словарь русского языка. — М. : Русский язык, 1978. — 846 с.
15. Преве Ж. Мсье и Некто / пер. с франц. М. Яснова. — М. : Текст, 2014. — 36 с.
16. Топоров В. Н. Праздник // Мифы народов мира : энциклопедия. — М. : Советская энциклопедия,

*это вовсе не я это просто ребенок
который не знает что говорит
но ребенок всегда говорит только то
что знает
даже если молчит и особенно если
молчит*

*А подросток вырастает
но куда еще не подросток
он не может в себе подавить
ни смятенья ни смеха ни слез...*

*Воспитателям хочется
чтоб из него получилось подобье
прочих которых они уже вывели
на дорогу
но подростку не хочется думать в ногу
и не хочется по приказу молчать...*

Ему бы в детство опять.

[17, с. 222].

Подводя итоги, отметим, что обсуждение с учащимися произведений зарубежных авторов не только расширяет их культурный кругозор, но и дает возможность избежать дидактизма и однозначности «классических» рождественских историй. Сопоставление текста и иллюстраций формирует представление о выразительных возможностях языков разных видов искусства, а также о книге как особом феномене культуры, такой целостности, где имеет значение вся структура: и оформление обложки, и аннотация, и посвящение, и послесловие автора или переводчика.

1980. — С. 331.

17. Яснов М. Амбидекстр. Стихи. Переводы. — СПб. : Вита Нова, 2010 — 240 с.

18. Julia Eccleshare. Northern Lights And Christmas Miracles [Electronic resource] // Books for Keeps. — 1996. — September. — № 100. — Mode of access: <http://www.booksforkeeps.co.uk/issues/100/27899> (date of access: 17.10.2018).

REFERENCES

1. Bakhmann-Medik D. Kul'turnye povoroty. Novye povoroty v naukakh o kul'ture / per. s nem. S. Tashkenova. — М. : Novoe literaturnoe obozrenie, 2017. — 504 s.

2. Bakhtin M. M. Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura srednevekov'ya i Renessansa. — М. : Khudozhestvennaya literatura, 1990. — 543 s.

3. Bykov D. Devochka so spichkami daet prikurit' [Elektronnyy resurs] // Ogonek. — 2006. — № 52. — S. 13. — Rezhim dostupa: <https://www.kommersant.ru/doc/2298197> (data obrashcheniya: 14.11.2018).

4. Voytsekhovski S. Rozhdestvenskoe chudo mistera Tumi / per. s angl. L. L. Yakhnina. — М. : RIPOL klassik, 2011. — 40 s.

5. Dushchikina E. Russkaya elka. Istoriya, mifologiya, literatura. — 3-e izd. — SPb, 2012. — 376 s.

6. Zubkova G. P. Poisk dukhovnykh tsennostey v stikhotvorenii Zhaka Prevera «Kak narisovat' ptitsu» [Elektronnyy resurs]. — Rezhim dostupa: <http://otkrytyurok.rf/%D1%81%D1%82%Do%Bo%D1%82%D1%8C%Do%B8/602798/> (data obrashcheniya: 10.11.2018).

7. Irten'ev I. Narod. Vykhod-vkhod. — М. : EKSMO, 2003. — 336 s.

8. Kabakov A. Perekrestok [Elektronnyy resurs] // Ogonek. — 2006. — № 2. — Rezhim dostupa: <https://www.kommersant.ru/doc/2296386> (data obrashcheniya: 14.11.2018).

9. Kvyatkovskiy A. Poeticheskiy slovar'. — М. : Sov. entsiklopediya, 1966. — 376 s.

10. Koptyaeva T. E. Zhanr «rozhdestvenskogo rasskaza» i ego osobennosti v sovremennoy literature: ob-suzhdenie rasskaza Dmitriya Bykova «Devochka so spichkami daet prikurit'» // Dvizhenie vremeni i zakony zhan-ra : XVIII Vserossiyskaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya slovesnikov «Leydermanovskie chteniya» (4 aprelya 2014 g., Ekaterinburg) / Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2014. — S. 133-139.

11. Marantsman V. G. Literatura 5 klass [Elektronnyy resurs] : metod. rekomendatsii. — Rezhim dostupa: https://www.sinykova.ru/biblioteka/marancman_literatura_5kl_metod/2.html#L (data obrashcheniya: 12.11.2018).

12. Meretukova M. M. Zhanrovye invarianty i poetika «rozhdesvenskoy prozy» (na materiale angliyskoy i russkoy literatur) : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — Krasnodar, 2017.

13. Mitrofanova A. Traditsii i istoriya rozhdestvenskogo vertepa [Elektronnyy resurs]. — Rezhim dostupa: <https://foma.ru/tradiczii-i-istoriya-rozhdestvenskogo-vertepa.html> (data obrashcheniya: 13.11.2018).

14. Ozhegov S. I. Slovar' russkogo yazyka. — М. : Russkiy yazyk, 1978. — 846 s.

15. Prever Zh. Ms'e i Nekto / per. s frants. M. Yasnova. — М. : Tekst, 2014. — 36 s.

16. Toporov V. N. Prazdnik // Mify narodov mira : entsiklopediya. — М. : Sovetskaya entsiklopediya, 1980. — S. 331.

17. Yasnov M. Ambidekstr. Stikhi. Perevody. — SPb. : Vita Nova, 2010 — 240 s.

18. Julia Eccleshare. Northern Lights And Christmas Miracles [Electronic resource] // Books for Keeps. — 1996. — September. — № 100. — Mode of access: <http://www.booksforkeeps.co.uk/issues/100/27899> (date of access: 17.10.2018).